

*Л.И. Кукреш, профессор кафедры уголовно-
го процесса Академии МВД Республики Бела-
русь, кандидат юридических наук, профессор;
Б.В. Асаенок, доцент кафедры № 1 факультета
пограничных войск при ИНБ Респуб-
лики Беларусь, кандидат юридических наук*

ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО: ПРАВО ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ?

Рассматривается проблематика соотношения прав подозреваемого, обвиняемого на защиту и их законных интересов с противодействием этих участников уголовного процесса установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. В основу решения данного вопроса положен анализ правовых аспектов дачи указанными участниками ложных показаний, истоков сложившейся в теории уголовного процесса тенденции считать данное явление элементом права на защиту. Аргументируется вывод о необходимости криминализации заведомо ложных показаний подозреваемого, обвиняемого, обосновывается обусловленность данного подхода решением задач, стоящих перед уголовным процессом, отражением на эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства, на повышении гарантий реализации принципа состязательности и равенства сторон в уголовном процессе. Приводятся данные о фактических затратах органа уголовного преследования на проверку заведомо ложных версий подозреваемого, обвиняемого,

формулируются критерии отнесения действий подозреваемого, обвиняемого к противодействию расследованию и судебному разбирательству и к реализации ими их права на защиту.

Действующий УПК основной задачей уголовного процесса провозгласил защиту личности, вовлеченной в сферу уголовной юстиции (ст. 7). Одним из механизмов реализации данной задачи является закрепление в законе комплекса процессуальных гарантий прав обвиняемого, подозреваемого с тем, чтобы исключить возможность уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц. К ним относятся принципы: осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты (ст. 24 УПК), право на защиту (ст. 17 УПК), презумпция невиновности (ст. 16 УПК) и др., - которые нашли свою конкретизацию в нормах УПК, регламентирующих права указанных участников (ст. 41, 43 и др.). Все они в совокупности составляют правовой статус подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе и направлены на достижение целей уголовного процесса. Вместе с тем правовая регламентация отдельных составляющих этого статуса, по нашему мнению, не исключает возможности их использования- стороной защиты в целях, прямо противоположных задачам и целям уголовного процесса, более того, противодействующих решению его задач.

«Противодействие расследованию преступлений», изначально являясь частью криминалистического лексикона, в настоящее время активно используется и представителями уголовно-процессуальной науки. В понятие данного выражения обычно включается вся совокупность действий подозреваемого, обвиняемого и связанных с ними лиц, направленная на избежание ими справедливого наказания или его смягчение. Считать неестественным стремление любого человека уйти от наказания, защитить себя всеми способами вряд ли оправданно. И если эти способы, применяемые обвиняемым, подозреваемым, не запрещены законом, то они являются составляющими механизма реализации принципа обеспечения их права на защиту от предъявленного обвинения или вышвинутого подозрения. Но если эти способы самозащиты, направленные на избежание ответственности или ее смягчение, представляют достаточную угрозу интересам общества, государства, правам и законным интересам иных лиц, то возникает законный вопрос: а вправе ли они применять способы, посредством которых защита подозреваемого, обвиняемого, являясь формально правомерной, выходит за пределы правовой функции защиты и перерастает, по сути, в злоупотребление правом на защиту, противостоящим решению задач уголовного процесса и его принципу состязательности и равенства сторон?

Одной из составляющих права на защиту, которая наиболее часто подвергается, на наш взгляд, злонамеренному применению обвиняемым, подозреваемым, является их право на дачу показаний (п. 9 ч. 2 ст. 41, п. 8 ч. 2 ст. 43 УПК). Злоупотребление ими данным правом проявляется, в первую очередь, в даче обвиняемым, подозреваемым заведомо ложных показаний, которая является одним из наиболее распространенных способов противодействия расследованию. О распространенности дачи подозреваемым, обвиняемым заведомо ложных показаний высказались 100 % опрошенных нами следователей, дознавателей и 92 % судей. Изученные материалы 334 уголовных дел показали, что полное либо частичное отрицание вины подозреваемым, обвиняемым в совершенном им преступлении, сопряженное с дачей заведомо ложных показаний, имело место в 38,2 % случаев. Отрицательные последствия данного явления очевидны: оно отражается на быстром установлении обстоятельств совершенного преступления, неоправданно затягивает расследование, не позволяет восстановить нарушенное право потерпевшего и т. д.

По результатам проведения нами хронометража времени, затраченного следователем, дознавателем на проверку и опровержение заведомо ложной версии, выдвинутой подозреваемым, обвиняемым, нами установлено, что время, затраченное непосредственно на проведение следственных действий по одноэпизодному уголовному делу с одним обвиняемым (подозреваемым), занимало от 5,5 до 12 часов: допрашивались свидетели, потерпевшие, назначались экспертные исследования, проводились другие следственные действия, закономерно увеличивались материальные издержки, которые по различным причинам не возмещались осужденным в виде процессуальных издержек, ставились под угрозу нарушения права и законные интересы иных лиц.

В связи с изложенным представляется необходимым актуализировать вопрос о правомерности сложившегося в теории и практике подхода, согласно которому считается, что, во-первых, подозреваемый, обвиняемый имеют право на дачу заведомо ложных показаний и, во-вторых, что дача заведомо ложных показаний является одним из средств реализации ими права на защиту. Разрешение данной проблемы в значительной мере зависит от ответа на вопросы: что является критерием законности применяемых подозреваемым, обвиняемым способов реализации их права на защиту и явля-

ется ли дача подозреваемым, обвиняемым заведомо ложных показаний средством обеспечения данного права и их законных интересов или же это злоупотребление данным правом?

Ответ следует искать в сути формального содержания права подозреваемого, обвиняемого на защиту. По определению закона (п. 9 ст. 6 УПК) защита - это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения обвинения, обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние. В рассматриваемом аспекте она включает в себя реализацию всех прав, предусмотренных в ст. 41 и 43 УПК, производство по уголовному делу с учетом презумпции невиновности подозреваемого и обвиняемого, правомерную деятельность органа, ведущего процесс, по установлению всех обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела.

Составляющими комплекса прав подозреваемого, обвиняемого является их право давать показания или отказываться от их дачи, пользоваться услугами защитника, представлять доказательства, осуществлять иные, не запрещенные законом действия (в контексте данной статьи, касающейся проблемных аспектов права на дачу показаний, считаем необходимым определить по поводу права подозреваемого, обвиняемого представлять доказательства. Этим правом наделены все заинтересованные участники процесса. Но о реализации данного права можно говорить только условно. Ни один из субъектов уголовного судопроизводства, кроме лица, ведущего процесс, не представляют доказательства, так как им не предоставлено право собирать их. Они могут лишь заявлять ходатайства о представлении тех или иных фактических данных, которые при соответствии их требованиям закона могут стать доказательствами).

Уголовно-процессуальный закон не имеет нормы, предусматривающей ответственность за дачу заведомо ложных показаний, тем самым не ограничивая право подозреваемого, обвиняемого давать любые показания, в том числе ложные. Этим, возможно, и предопределяется вышеуказанная позиция, что дача ложных показаний - это средство обеспечения права на защиту.

И только норма ст. 400 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Заведомо ложный донос» фактически сужает пределы свободы дачи показаний подозреваемым, обвиняемым, поскольку не относит действие данной нормы только к потерпевшему и свидетелю.

Закон предусматривает уголовную ответственность за заведомо ложный донос в отношении любого лица, а значит, и в отношении обвиняемого, подозреваемого. Это объясняется тем, что в этом случае они могут существенным образом нарушать права иных лиц. Формально любой подозреваемый, обвиняемый, сообщая заведомо ложные сведения о совершении преступления иным лицом, является субъектом указанного деяния. Вместе с тем анализ практики показывает, что заведомо ложный донос, как правило, не инкриминируется обвиняемому (подозреваемому), в отношении его по данному факту не возбуждается уголовное дело. Так, например, достаточно распространенными являются сообщения обвиняемых, подозреваемых о применении к ним сотрудниками ОВД в целях получения признательных показаний незаконных методов расследования. Но если результаты проверки или расследования дел по таким жалобам указывают на невиновность оговариваемых лиц, автоматически появляются основания, указывающие на наличие преступления, предусмотренного ст. 400 УК. Однако в возбуждении уголовного дела обычно отказывается под предлогом, что «дача таких показаний является элементом права подозреваемого, обвиняемого на защиту». Это, по нашему мнению, не что иное, как расширительное толкование права на защиту, так как оно влечет исключение из числа субъектов, подлежащих уголовной ответственности за заведомо ложный донос, обвиняемого, подозреваемого. Но такое толкование допустимо только законодателем.

Привлечение к уголовной ответственности лжедоносителей в лице подозреваемого, обвиняемого могло бы не только способствовать восстановлению положительной репутации правоохранительных органов, но и при оглашении (опубликовании) этих случаев в средствах массовой информации играть определенную предупредительную роль. Подобная практика, как указывают С. Нафиев и А. Васин, имеет достаточное распространение* уже довольно длительное время в России и приводит к позитивным результатам [5, с. 25].

Более сложно разрешить проблему ответственности за дачу заведомо ложного доноса подозреваемого, обвиняемого о виновности иных лиц в совершении деяния, которое им инкриминируется. Если фигурант сообщает о том, что преступление совершено не им, а каким-либо иным конкретным лицом, то очевидным является наличие в его деянии преступления, предусмотренного ст. 400 УК. Вряд ли могут возникнуть сомнения, что подобные действия не затрагивают права и законные интересы законопослушных граждан. Однако никаких негативных правовых последствий для обвиняемого, подозреваемого их ложные показания не несут.

По уголовным делам о групповых преступлениях достаточно распространенным является дача различных показаний участниками группы о степени их причастности к совершенному преступлению. Так, например, соучастники могут давать заведомо ложные показания относительно того, кто являлся организатором совершенного преступления, непосредственным исполнителем, пособником и т. д. Фактически лицо, дающее такие показания, обвиняет иное лицо в совершении деяний большей общественной опасности, чем те, которые оно совершило в действительности. Гипотетически эти показания могут повлечь иную квалификацию действий оговариваемого лица, поскольку они направлены не только на выгораживание одного лица, но и на усиление степени вины (а значит, и ответственности) иного лица. Такой способ «защиты» представляется несоответствующим самому понятию защиты. Солидаризируясь с мнением российского ученого-процессуалиста С.А. Новикова, считаем, что подобные показания должны квалифицироваться как заведомо ложный донос (оговор) [6, с. 157]. Запрет на применение клеветы в качестве средства защиты по уголовному делу соответствует и рекомендациям Европейского суда по правам человека (решение по делу Брандстедер против Австрии 1991 г. [2, с. 251-252]).

Однако ныне действующая нормативная регламентация права подозреваемого, обвиняемого на дачу показаний даже при максимальном использовании существующих уголовно-правовых санкций представляет собой лишь фрагментарную реакцию законодателя на самый распространенный способ противодействия расследованию и судебному разбирательству - дачу заведомо ложных показаний. Многие государства мира (Великобритания, США, Франция), постулируя истинное равенство сторон в уголовном процессе, пришли в итоге к выводу, что подозреваемый и обвиняемый (наряду со свидетелем и потерпевшим) также должны нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний.

Современная уголовно-процессуальная наука Беларуси (как и России), по сути, обходит данный вопрос стороной. До сих пор по каким-то неписанным нормам и теориям считается, что заведомо ложные показания являются элементом права на защиту подозреваемого, обвиняемого. Наши попытки найти теоретическое обоснование и предпосылки сложившегося подхода к данному вопросу результатов не дали. Фактически наука и практика ссылается на него как на правовую аксиому, необоснованно мотивируя, на наш взгляд, что уголовная ответственность указанных лиц за заведомо ложные показания влечет перенесение на них бремени доказывания своей невиновности. Наши попытки вступить в научную полемику и установить истоки исследуемой проблемы натываются лишь на единичные отзывы оппонентов с не совсем ясной аргументацией. Так, например, отрицая возможность привлечения подозреваемого, обвиняемого к уголовной ответственности, один из авторов предложил следующую аргументацию своей точки зрения: «Не придерживаясь данного мнения, полагаю, что указанными авторами не приводится убедительных аргументов для закрепления в качестве субъектов уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний подозреваемого и обвиняемого» [8, с. 49].

Но так ли это на самом деле и ограничивает ли ответственность за дачу ложных показаний право на защиту? Наличие уголовно-правовой санкции, на наш взгляд, имеет и превентивный, и карательный, и правообеспечительный характер. Если лицо знает, что за заведомо ложные показания оно будет привлечено к ответственности (либо его ответственность за основное вменяемое ему в вину преступление будет усилена), то оно имеет возможность отказаться от дачи показаний (полностью либо частично).

Отказ от дачи показаний является важнейшей конституционной и уголовно-процессуальной гарантией права на защиту подозреваемого, обвиняемого, поскольку позволяет им на законных основаниях не свидетельствовать против себя и своих близких. Такое положение считается нормальным в абсолютном большинстве зарубежных государств, поскольку для любого человека естественно как доказывать свою невиновность, так и отказываться от помощи стороне обвинения, которая старается эту виновность доказать. В ином случае подозреваемый и обвиняемый становятся перед необходимостью давать показания, то есть на них в определенной (хотя и не в полной) мере перекладывается бремя доказывания. Однако существуют, хоть и малочисленные, но противоположные правовые прецеденты. Так, английское судопроизводство предусматривает возможность учета необоснованного отказа обвиняемого от дачи показаний (правомерным, обоснованным, например, является отказ по мотивам наличия угрозы в отношении обвиняемого, подозреваемого и его близких при его согласии давать показания) [1, с. 130-131, 4, с. 8-9].

Пусть робко и только применительно к стадии судебного разбирательства, но белорусский законодатель также воспринял в какой-то мере данный подход. Он закрепил в ч. 1 ст. 327 УПК норму, согласно которой все сказанное обвиняемым, согласившимся в судебном разбирательстве давать по-

казания по поводу предъявленного обвинения, может быть использовано против него. Чтобы не наступил указанный негатив, обвиняемый, оценив ситуацию, может отказаться вообще от дачи показаний. В данном случае соблюдены его конституционные гарантии на защиту и ограничены возможности в противодействии установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Иными словами, или не противодействуй расследованию, или храни молчание.

Ко всему вышесказанному следует добавить, что наличие права подозреваемого, обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний ставит под сомнение одну из важнейших конституционных презумпций человека - презумпцию его добропорядочности. Суть ее состоит в том, что лицо признается добропорядочным и законопослушным до тех пор, пока не доказано иное. Однако законодатель почему-то считает, что для подозреваемого, обвиняемого, которые до вступления обвинительного приговора суда в силу презюмируются добропорядочными, является естественным для своей защиты лгать. Этим уже косвенно ставится под сомнение и соблюдение презумпции невиновности: поскольку подозреваемый, обвиняемый чувствуют за собой вину в совершении преступления, то для них вполне естественно изворачиваться, пытаясь уйти от ответственности. При такой законодательной установке от них и не стоит ждать иного поведения.

При этом нельзя не вспомнить, что на таких же де-юре добропорядочных участников уголовного процесса, как потерпевший, эксперт, переводчик, уголовная ответственность за заведомо ложные показания по ст. 401 УК распространяется. Такой подход законодателя ограничивает конституционный принцип равенства граждан (ст. 22 Конституции Республики Беларусь). Ответственность обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний либо в виде уголовного наказания, предусмотренного ст. 401 УК, либо в качестве отягчающего обстоятельства нивелировала бы указанное несоответствие Конституции и стимулировала бы позитивное посткриминальное поведение обвиняемого, подозреваемого.

В уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных государств (Великобритании, Франции) действует правило, согласно которому на обвиняемого, давшего согласие давать показания, в полном объеме распространяется статус свидетеля по данному делу [1, с. 45; 4, с. 19]. Подобные правовые новации, на наш взгляд, вполне оправданны.

С рассматриваемой в настоящей статье проблемой тесно связан и вопрос о сути такого явления в праве, как «законные интересы». Этимологически слово «интерес» обозначает нужды, потребности его субъекта [7, с. 541]. С точки зрения психологии интерес - это «форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности» [3, с. 124]. В УПК применяется иногда термин «интерес» (50 раз), а иногда выражение «законный интерес» (15 раз). Вместе с тем содержание их не раскрыто в законе. Отсутствие легального их определения дает возможность произвольного толкования и использования. В современной правовой науке устоявшимся считается мнение о том, что защите подлежит не любой интерес, но лишь интерес, в основе которого лежит дозволение или отсутствие запрета на определенные действия со стороны законодательства, то есть законный интерес.

В самом общем виде интересы подозреваемого, обвиняемого могут быть представлены следующими их составляющими: избеганием или смягчением уголовной ответственности; продолжением преступной деятельности; сохранением чести, достоинства и деловой репутации; избеганием иных негативных последствий в отношении себя или своих близких, связанных с привлечением к уголовной ответственности.

Отсюда видно, что круг интересов подозреваемого, обвиняемого при производстве по уголовному делу достаточно широк, однако законными являются лишь те интересы, которые не противоречат УПК, правам граждан, интересам общества и государства. И в этой связи нельзя не считать, что заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого не только не способствуют реализации их законных интересов, но и прямо противоречат им. Так, законным интересом подозреваемого, обвиняемого является расчет на принятие во внимание их показаний в целях смягчения уголовной ответственности. Однако признание этих показаний заведомо ложными влечет, с одной стороны, признание недопустимости полученных доказательств, а с другой - невозможность применения правовых оснований смягчения ответственности, предусмотренных в ст. 63 УК. Таким образом, ни теоретических, ни законодательных обоснований правомерности освобождения от ответственности обвиняемого, подозреваемого за дачу ими ложных показаний не имеется.

Библиографические ссылки

1. Головки, Л.В. Реформа уголовного судопроизводства в Англии / Л.В. Головки // Государство и право. 1996. № 8.
2. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. М.: Изд-во МГШМП, 1998.
3. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко ; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
4. Лоскутова, Т.А. Свидетель и его показания в уголовном процессе Англии и США: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.А. Лоскутова. М., 2005.
5. Нафиев, С. Право на защиту - не беспредельно / С. Нафиев, А. Васин // Законность. 1999. № 4.
6. Новиков, С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России / С.А. Новиков. СПб.: Изд. дом С.-Петербурга, гос. ун-та : Изд-во юрид. фак. С.-Петербурга, гос. ун-та, 2004.
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984.
8. Савич, О. Проблемы реализации права обвиняемого на защиту / О. Савич // Суд. весн. 2003. № 4.